

УДК 94[321.013:325.1](4-11)«1914/1922»

Михал Шмигель

Первая мировая война и распад империй как факторы миграционных процессов в Восточной и Центральной Европе (1914–1922)

В первой части статьи анализируются миграционные процессы в Центральной и Восточной Европе вызванные Первой мировой войной под влиянием массового распространения насилия и дальнейшей радикализации национализма, а также распада многонациональных империй и возникновения народных государств-преемников в послевоенный период. Во второй части статьи рассматривается миграционное движение из Восточной Европы – бывшей Российской империи на территорию Чехии и Словакии (позднее Чехословакии) под влиянием фронтовых операций Первой Мировой войны, революции и гражданской войны в России. На конкретных примерах миграционных движений 1914–1922 гг., анализируются проблемы так называемых «восточных евреев» (в период войны беженцев-евреев из Галиции, Буковины и Российской империи), репатриации «русских» военнопленных из Чехословакии (1919–1922 гг.), приёма беженцев-эмигрантов из России («Белая эмиграция») и чехословацкой «Программы помощи русским» в начале 1920-ых годов.

Ключевые слова: беженцы, эмигранты из России, «восточные евреи», «русские» военнопленные, репатриация, «Программа помощи русским», Чехословакия.

Начало XX-го века и связанные с ним события в Европе – Первая мировая война и ее последствия – привели не только к краху многонациональных монархий в центральной и восточной частях континента, но и к разгару национализма и проявлению многих миграционных процессов в виде эвакуаций, интернаций, депортаций, волн беженцев, переселений, репатриаций и т. д.

© Шмигель М., 2018

Шмигель Михал - доктор (історії), доктор філософії (PhD.), доцент кафедри історії Філософського факультету Університету ім. Матєя Бєла, г. Банська-Бистриця, Словацька Республіка.

Образ врага, постоянно подаваемый военной пропагандой, основанный на этнических, националистических и культурных предрассудках, во время Великой войны увеличивал дистанцию по отношению к иммигрантским меньшинствам и углублял их изоляцию, допускал и поощрял насилие в отношении иностранцев, приводил к их интернированию и изгнанию и, наконец, вызвал волны массового бегства. Этническая «чистка», которая была частично спонтанной (иногда переросла в боины и погромы), частично спланированной, притом не уменьшила конфликтный потенциал. Наоборот, усугубила его¹. Другими словами, Первая мировая война привела к массовому распространению насилия и дальнейшей радикализации национализма. Это относилось как на поля сражений, так и на внутренний фронт. Обострились даже отношения между теми странами, которые формально не вели войну². Во время и после мировой войны это проявилось на судьбах многих этнических групп в Восточной Европе, на Балканах, Кавказе, а также на границе Европы и Азии.

Военные операции на западных фронтах сражений Первой мировой войны вызвали волны беженцев, интернации и перемещения населения, но они не были так мощными, как в Восточной Европе. В ожидании ожесточенных боев и насилия против гражданского населения, бежало в первые месяцы после германского нападения 1,4 млн. бельгийцев в Нидерланды, Францию и Великобританию, а дальнейшие тысячи последовали в конце 1914 г. Точно так же это было и в областях северной и северо-восточной Франции, которую покинули сотни тысяч, а позже миллионы жителей. В Великобритании около 10 000 немцев были интернированы уже в начале войны, а в конце 1915 года число интернированных «враждебных иностранцев» (немецкого и австро-венгерского происхождения) увеличилось на 32 тыс. человек. После переговоров с Германией и Австро-Венгрией, до начала 1916 года около 20 тыс. из них были вынуждены покинуть страну³. Россия приступила к арестам и высылкам германских и австро-венгерских подданных уже летом 1914 г. (не менее 330 тыс. человек). Выселяли их в дальние районы Зауралья и Сибири. Депортации «подозреваемых в шпионаже» продолжались и в 1915 году⁴. Притом Британия и Россия не были единственными – в целом в европейских воюющих странах было

интернированных около 400 000 «враждебных иностранцев» (кроме лиц немецкого и австро-венгерского происхождения, были интернированы или изгнаны турки, болгары, греки, поляки, армяне, жители Эльзаса и Лотарингии и т.д.). Только в одной Германии было интернировано около 110 000 гражданских лиц разных национальностей. В последующем периоде миллионы «враждебных иностранцев» насаживались на принудительные работы в сфере военной экономики, также как и военнопленные. Например, только в Германии в 1918 году вынужденно трудилось 500–600 тыс. поляков и 100 тыс. бельгийцев⁵.

Гораздо более массивных размеров, чем на западе, приобрели в 1914–1918 гг. потоки беженцев и принудительных переселенцев в ходе военных действий вдоль Центральной и Восточной Европы. Первые беженцы были выходцами из Восточной Пруссии, которую в августе 1914 г. заняли русские войска. В это время сбежало на запад более 500 тыс. человек, а многие другие прятались в лесах и непроходимых болотах. В Восточной Пруссии также произошла и первая депортации в истории войны. Отступающие российские войска захватили около 13 600 восточно-прусских граждан, которых отправили в Сибирь. В австрийской Галиции русское наступление вызвало волну бегства и хаотичную эвакуацию как минимум 400 тыс. человек. Наоборот, наступление немецких и австро-венгерских войск осенью 1914 г., выгнало из дому в районах военных действий на западной границе Российской империи миллионы людей, которые бежали, были изгнаны, эвакуированные или принудительно переселённые. В начале 1915 г. российские власти регистрировали на незанятой территории в общей сложности 2,7 млн. беженцев и эвакуированных. Весной 1916 г. их было (по официальным данным) более 3,1 млн., но предполагалось и количество близкое к 5 млн. человек⁶. По состоянию на 1 июля 1917 года на территории Российской империи находилось 7,4 млн. «перемещенных лиц» из них 6,4 млн. беженцы, а остальные – то есть около 1 млн. человек – депортированные⁷.

К эвакуации населения (из-за угрожаемой опасности) во многих случаях придавались депортации «ненадежных» меньшинств. На меньшинства нападали как на неприятелей государства, потенциальных предателей и подвергались массовой «стратегической» депортации. В Российской империи это прежде все-

го касалось евреев и немцев, в Османской империи – армян, в Габсбургской монархии – сербов и итальянцев⁸. Евреи – в зонах военных действий и во внутренних районах – считались русскими властями врагами и подозревались в массовом сотрудничестве с немецкими и австро-венгерскими частями. Когда российским войскам, после разрушительных поражений весной 1915 года, пришлось покинуть Галицию, Буковину, Литву и Курляндию, ответственность свалилась на этнические меньшинства. Последовали депортации (в катастрофических условиях) во внутренние губернии 500–600 тыс. евреев из Прибалтики, Ковны, Вильно и Волыни⁹. Выселение было оправдано тем, что евреи совершают шпионаж, позволяя противнику наступления. «Пятой колонной» за собственной линией фронта было обозначено около 200 тыс. русских немцев, которых летом 1915 г., особенно из Волыни, российские власти поголовно выслали в Сибирь¹⁰. В 1914–1916 гг., по причине якобы поголовной нелояльности, из зоны военных действий и западных прифронтовых губерний было выселено около миллиона евреев и немцев¹¹. Другие русские евреи и немцы бежали от экстренных мер, бесчинства и угроз депортации через линию фронта за пределы Российской империи.

После того, как Италия вступила в войну в 1915 году, из Тренто было депортировано 130 тыс. итальянцев в разные регионы Австро-Венгрии¹². Трагической была и судьба 100 тыс. интернированных сербов¹³. В Османской империи депортации на внутреннем фронте коснулись в основном греков и армян. В то же время греки бежали Эгейским регионом, чтобы избежать призыва¹⁴. У армян такой «удачи» не было – их либо истребили, либо депортировали из северных пограничных районов пешим маршем через Анатолийское нагорье и сирийско-месопотамские пустыни. Жертвами этой и других «очистительных» действий стали примерно 1,5 млн. армян (григорианцы, армянокатолики и протестанты) и 250 тыс. ассирийцев (несториане, монофизиты-якобиты и халдейские католики)¹⁵.

На территориях европейских воюющих государств, включая Австро-Венгрию и Германию, оказались огромные массы военнопленных различных национальностей. „Массовый захват в плен был одной из главных проблем Первой мировой войны и нового явления, которое эта разрушительная война

принесла с собой¹⁶. В целом, военнопленные создавали значительные трудности, особенно для военного тыла, местных органов власти и гражданского населения (размещение, снабжение, гигиена, эпидемии и т. д.). С другой стороны, военнопленных использовали в качестве замены домашней рабочей силы, мобилизованной на фронт. Одновременно война народов привела внутри государства к беспрецедентным контактам с людьми других национальностей.

Уже в конце войны обговаривалась проблема взаимного обмена и репатриации военнопленных. Первоначально это касалось Центральной и Восточной Европы в связи с большевистским переворотом и выходом Советской России из войны 3 марта 1918 г. – после мирных переговоров в Брест-Литовске. В других частях Европы этот вопрос решался уже после окончания войны.

В историографии можно встретить разные данные о числе «русских» военнопленных. Например, согласно подсчетам российского историка Е.Я. Сергеева, в плен попало 3,4 млн. солдат и 14,3 тыс. офицеров, что в конечном итоге означало 74,9% боевых потерь российской армии, или 21,2% от общего числа мобилизованных на фронт¹⁷. Из которых 42,14% находились в лагерях в Германии, 56,9% в Австро-Венгрии, менее 1% в Болгарии и Турции¹⁸. По другим данным, в немецких и австрийско-венгерских лагерях находилось до 1,5 млн. солдат и офицеров русской армии¹⁹. По современным данным, численность «русских» военнопленных составила 2 417 тыс. человек²⁰. Для сравнения: во время Первой мировой войны на территории Российской империи в более чем трех тысячах лагерей оказалась около 2,4 млн. военнопленных Центральных держав. Согласно официальной статистике Германии и Австро-Венгрии, это было 2 111 146 австро-венгерских, 158 104 немецких и 51 000 турецких и болгарских солдат²¹. Согласно другим источникам, из 9 млн. австро-венгерских солдат, которые были мобилизованы во время войны, 2,8 млн. попали в преимущественно российский плен, т.е. почти 30% от общего числа мобилизованных солдат²². Такое огромное количество военнопленных требовало запуска репатриационной системы – это была одна из главных задач послевоенного периода.

Мирные договора, которые формально закончили Первую мировую войну, принесли обширную реструктуризацию политического устройства Европы. Разрушились две центрально-европейские монархии и две евразийские – Российская и Османская империи, возникло 14 новых держав в Европе и прибавилось 11 тыс. км границ. Некоторые меньшинства стали большинством и наоборот, с предыдущих внутренних миграций стали международные, бегство и переселение приобрели размеры, которых не познала Великая война²³. Третий этап формирования народных государств (1918–1919 гг.), которые на самом деле были мультинародными, вернее с национальными меньшинствами, спустил неожиданную динамику. Умножались конфликты в тех регионах, в которых не было возможности из-за национальной структуры населения отнести территории потенциальному или уже существующему народному государству. Послевоенный принцип – «каждый народ должен иметь свое государство», дестабилизировал международное устройство. Сверх того, в большей части Европы продолжалась Первая мировая война как региональные конфликты – на границе между Германией и Польшей, на границе центральной и Восточной Европы, в пространстве бывшей Российской империи и в юго-восточной Европе. «Старый» континент пересекли от севера на юг и от запада на восток трещины, в которых с оружием в руках боролось за то, кто будет далее большинством, а кто меньшинством. По Первой мировой войне так наследовало интенсивное миграционное движение тех, которые для себя не видели в новых или расширенных народных государствах центральной и юго-восточной Европы никакого будущего, как и тех, которые с «настоящего» были просто изгнаны²⁴.

Центральные державы, проигравшие войну, должны были принять не менее 2 млн. человек со своих бывших территорий. Особенно больших размеров достигла иммиграция в Германии – около 1,35 млн. человек (850 тыс. немцев с Польши, 150 тыс. с Эльзаса и Лотарингии, 120 тыс. из России, 40 тыс. из Чехословакии и т.д.), а также в территориально сокращенной Австрии – около 750 тыс. австрийцев, с которых 440 тыс. были с Чехословакии. Такая же ситуация была и в Венгрии, куда иммигрировало около 200 тыс. человек с Чехословакии (в основном из Словакии и Родкарпатской Руси), такое же количество из

Румынии и 100 тыс. из Югославии. «Национальной политикой» мотивированные «очищения» реализовались и в юго-восточной Европе. На Балканах ожили переселенческие практики довоенного периода (постигли около 1 млн. людей из Греции, Румынии, Болгарии и Югославии), которые продолжались до заключения Лаузанского мирного договора (1923 г.). Этим же договором была завершено греко-турецкая война 1919–1922 гг., а с ней и изгнание 1,35 млн. христиан (главным образом греков) с Турции и около 450 тыс. мусульман (турок, албанцев, татар, мегленитов, помаков и греческих мусульман) с Балканского полуострова. Если к этим, вышеуказанным, данным добавить около 2 млн. беженцев и эмигрантов с бывшей Российской империи, которые бежали перед революцией, гражданской войной и голодом 1921 г., а не менее 300 тыс. русских евреев, которые по тем же причинам бежали в Прибалтику, Польшу, Румыния и т.д., тогда общее количество беженцев и переселенцев в Европе в 1919–1922 гг. составило около 9,5 млн. человек. Большинство беженцев имели происхождение с восточных областей Центральной Европы или с восточной и юго-восточной Европы²⁵.

Как свидетельствует предыдущий текст, миграционные движения 1914–1922 гг. были особенно сильными в восточной части Центральной Европы, а территория сегодняшних Словакии и Чехии в то время была интенсивной транзитной территорией. Помимо внутренней миграции, связанной с развалом Австро-Венгрии и созданием Чехословакии, здесь произошло мощное миграционное движение из Восточной Европы под влиянием фронтовых операций Первой мировой войны, революции и гражданской войны в бывшей Российской империи. Поэтому будет на месте эти «множественные количества» мигрантов перевести в реальные истории их пребывания на территории, которая с конца 1918 года стала называться чешско-словацкой.

«Восточные евреи».

Уже осенью 1914 г. на территорию Словакии (в то время Верхняя Венгрия), через Карпаты, прошла большая миграционная волна с Востока – из соседней территории австрийской Галиции (Галичины) и Буковины, а также пограничных территорий Российской империи. Сотни тысяч жителей этих ре-

гионов, в частности евреев, на рубеже 1914–1915 гг. бежали перед наступлением русской армии в соседнюю Венгрию (в пограничные регионы Словакии и Закарпатье). Евреи бежали от русского фронта из страха погромов, этнической чистки и насильственного перемещения в отдаленные регионы России.

Перейдя Карпаты, некоторые беженцы селились главным образом в восточной Словакии (в городах и лагерях, быстро создаваемых венгерскими властями), другие отправлялись далее в глубь страны. Из словацких пограничных городов Бардеёв, Гуменнэ, Свидник и др. местные власти перемещали их в Кошице, Нитру, Братиславу, Будапешт, Грац, Бад Ишль, Зальцбург и Вену. Другие отправлялись пешком (400 и более км) в крупные лагеря и колонии для беженцев в Моравии (Миккулов, Коетин, Погожелице, Киёв, Угерске Градиште, Хочень, Гавличков Брод и т. д.) и в Австрии (способные принять десятки тысяч беженцев), а также в Силезию и Чехию. Количество «восточных евреев», прибывших из Галиции, Буковины и русского пограничья оценивалось властями в 300 тыс. человек, из них 125 тыс. находилось в Чехии и Моравии²⁶. По оценкам израильского историка Леона Когана только из Галиции, граничащей с Россией, на Запад ушли в этот период около 400 тыс. евреев, причём еврейская община в довоенный период здесь насчитывала 830 тыс. человек²⁷.

Уже в мае 1915 г. правительство Венгрии приказало, чтобы все «галицкие беженцы», проживающие в стране, возвращались домой или выезжали в Австрию. Однако происходящие трансферы еврейских беженцев в изначальные регионы были не только прерваны «Брусиловским прорывом» в июне 1916 г., но вместо этого началась новая волна беженцев (менее многочисленная, чем первая). В начале 1917 г. в крупных лагерях и колониях на Моравии вспыхнули эпидемии (например, эпидемия пятнистого тифа распространилась в лагере Немецкий Брод), многие беженцы умирали, а лагеря закрывались. Начиная с 1918 г. положение еврейских беженцев ухудшилось. Осложнялось и обстановка вокруг них. К концу октября 1918 г. под тяжестью внутренних противоречий и неудач в Первой мировой войне многонациональная Австро-Венгерская монархия рухнула.

Конец войны, крах монархии, развал государственной администрации и слом общественного порядка, последующий революционный переворот и рост антиеврейских настроений в провинциях значительно осложнили положение «восточных евреев». В революционный период они были практически оставлены на произвол судьбы. Только в 1919 г. был создан «Комитет помощи евреям в Чехословацком государстве», а сама репатриация галицких и буковинских евреев проходила в период 1921–1922 гг. при содействии польских и румынских посольств²⁸. В это время формирующиеся органы чехословацкой власти в первую очередь решали гораздо более насущные проблемы, в частности, репатриацию унаследованных от Австро-Венгрии «русских»²⁹ военнопленных на родину.

«Русские» военнопленные.

В марте 1918 г., к моменту подписания Брестского мира, на территории Австро-Венгрии находилось около 900 тыс. – 1,2 млн. «русских» военнопленных³⁰. Из них к концу войны были репатриированы только 60 тыс. человек³¹ (от общей массы 181 375 военнопленных вернувшихся в Советскую Россию до ноября 1918 г.³²). Остальные очутились в странах, возникших на развалинах Австро-Венгерской империи. Общий хаос, который воцарился после крушения монархии, усложнил репатриацию военнопленных.

На территории Чехословацкой республики (ЧСР) «русские» военнопленные располагались в основном в Чехии – около 200–300 тыс., а несколько десятков тысяч человек в области военного командования в Братиславе (вблизи словацко-венгерской границы). Очевидно, с ноября 1918 г. и на территории Чехословакии произошло массовое стихийное движение «русских» военнопленных на родину, продолжавшееся до февраля-марта 1919 г. Это наглядно иллюстрирует радиограмма австро-венгерского военного министерства от 30 января 1919 г.: «До ноября 1918 г. русские военнопленные при отправке на родину снабжались одеждой, продовольствием и документами... После свержения монархии военнопленные самовольно в массовом порядке ушли из лагерей и с мест своей работы, не дожидаясь организованной отправки на родину и не считаясь с соответствующими предписаниями»³³.

В основном бывшие военнопленные „шли по своим“, но далеко не все, из-за ситуации того времени, прибыли к месту назначения. Большая часть бывших «русских» военнопленных пыталась вернуться домой самостоятельно, отказываясь от планированных властями ЧСР транспортировок. Это было стихийное возвращение небольшими группами, которое могло занимать несколько лет. По дороге на родину тысячи военнопленных вольно или невольно вовлекались в военные действия на фронтах гражданской войны в России, причем воевать им приходилось «по обе стороны баррикад». Некоторые никогда не возвратились домой.

С другой стороны – часть военнопленных хотела остаться в Чехословакии, «пока ситуация в России не успокоится». Они оказались на попечении Министерства национальной обороны ЧСР и должны были постепенно отправляться на родину. Репатриацию бывших «русских» военнопленных, независимо от их национальности и охотных к отъезду в отчизну, планировалось осуществить до конца 1919 года³⁴. Но, как вскоре оказалось, это было не реально – из-за внутренних и внешних факторов.

В 1919 г. ситуация в Чехословакии была очень сложной. Коммуникации во многих местах страны были разрушены, большинство вагонов и локомотивов повреждено, ощущался недостаток топлива, бензина и угля. Репатриационные пути проходили через районы боевых действий, вспыхнувших после распада Российской и Австро-Венгерской империй³⁵.

Основным препятствием передвижения из Чехии на Восток стали боевые действия в Словакии, Польше и революционный хаос в Германии. 21 мая 1919 г. 100-тысячная венгерская Красная Армия Белы Куна – усиленная мобилизацией и хорошо вооруженная – перешла в контратаку против чехословацких войск на юге Словакии (так называемый «Северный поход» венгерской Красной Армии). До середины июня 1919 г. венгры захватили значительную часть южной и восточной Словакии и проникли до словацко-польской границы возле Бардеёва. Между тем вспыхнула польско-советская война (1919–1921 гг.), охватившая территории Западной России, Беларуси, Латвии, Литвы, Польши и Украины.

В конце февраля 1920 г. в ЧСР оставалось 7,5 тыс. российских военнопленных и более 5,1 тыс. интернированных украинцев, размещённых в отдельных лагерях и казармах в Чехии (Терезин, Йосефов, Границе на Мораве, Хоцень, Прага, Немецке Яблоннэ) и в отдельных колониях в Словакии. Министерства обороны и внутренних дел ЧСР жаловались, что их ряды пополняли бывшие «русские» военнопленные из других стран (в основном из Германии), нелегально проникавшие в Чехословакию³⁶.

Несколько позже, 5 июня 1922 г., был заключен Временный договор РСФСР с Чехословацкой республикой об отправке на родину «русских» военнопленных. По некоторым данным, последний транспорт репатриантов из ЧСР был отправлен 8 марта 1923 г. на Украину³⁷. По-видимому, число репатриированных в 1922–1923 гг. из Чехословакии не превышало несколько тысяч бывших «русских» военнопленных.

Между тем с 1919 г. начали в Чехословакии появляться и другие «русские» беженцы.

«Русские» беженцы и эмигранты.

Первые эмигранты из Российской империи стали появляться в Европе сразу после вступления России в войну. Февральская революция и падение монархии углубили этот процесс. После прихода к власти большевиков в октябре 1917 г., масштаб эмиграции значительно увеличился – страну начали покидать сотни тысяч граждан. Возникла так называемая «Русская эмиграция первой волны» или «Белая эмиграция» (1917–1922 гг.), которая в годы гражданской войны приобрела огромный размах, а в дальнейшем приняла массовый характер. Причины этого в основном были одни и те же. Это было несогласие с победой и властью большевиков, с новым общественным порядком, а также страх насилия в годы гражданской войны, а после нее – страх последующих репрессий. Родину покидали политики, бывшие государственные деятели, предприниматели, интеллигенция. За границей осталась часть «русских» экспедиционных корпусов, военнопленные и интернированные, не пожелавшие возвращаться в Советскую Россию³⁸.

Постоянно растущее число граждан покидало страну в различных направлениях и с отступающими армиями интервентов. Самая большая волна беженцев последовала за немецкими войсками, эвакуировавшимися с территории Украины и Белоруссии на исходе 1918 г. Многие бежали в Китай из Поволжья и Сибири после поражения и раздела армии Колчака в 1918–1919 гг. Некоторые были вынуждены покинуть Одессу вслед за французским флотом в 1919 г. Пик исхода русских и представителей других народов бывшей Российской империи пришелся на 1920 год – в феврале в связи с уходом из Северной области России англо-американских войск и по эвакуации частей Деникина из Новороссийска; в ноябре падение последнего оплота белогвардейцев – Крыма и эвакуации остатков армии Врангеля вместе с гражданскими лицами в Турцию и Грецию³⁹. В последующие годы количество эмигрирующих зависело от внутривнутриполитических шагов Советской России, а затем Советского Союза.

Часть беженцев направилась на восток – в Маньчжурию и Китай, но основная масса последовала на запад – в Прибалтику, Финляндию, Польшу, Турцию, Чехословакию, Болгарию, Королевство СХС, Германию, Австрию, Францию, США и т.д. Основными европейскими центрами, в которых в 20–30-ых гг. обосновались «русские» эмигранты, были Константинополь, Вена, Варшава, Белград, София, Париж, Берлин и Прага.

Общая численность «первой волны» оценивается по-разному. В 1924 г. великий князь Николай Николаевич заявил в Париже, что русская эмиграция по всем странам насчитывает около 3 млн. человек. По данным, собранным верховным комиссаром по делам беженцев при Лиге Наций Ф. Нансеном, в 1926 г. только в 11 странах Европы и Азии проживало свыше 1 миллиона 131 тысячи человек, эмигрировавших из России⁴⁰. В современной литературе общая численность «русских» покинувших Россию в 1918–1922 гг. оценивается в 1,5-2 миллиона человек (около четверти из них принадлежали к Белым армиям, ушедшим в эмиграцию в разное время с разных фронтов)⁴¹.

Осознавая факт массивности «белой эмиграции», советская большевистская власть объявила политическую амнистию для всех беженцев-эмигрантов из России и последующую программу по репатриации. Поскольку эта форма возвращения в целом была

безуспешной⁴², большевистское руководство пошло на крайние меры. Декретом от 15 декабря 1921 г. оно лишило гражданства всех беженцев, а также тех, которые проигнорировали призыв возвратиться на родину, не обратились в советские консульства и не подали заявления о выдаче советского паспорта до 1 июня 1922 года⁴³. В результате этих действий «русские» эмигранты оказались не только людьми без родины, но фактически лицами вне закона, у них не было действительных документов, а без документов им оставалось только уповать на милость отдельных стран мира.

Следует подчеркнуть, что положение беженцев из России зависело от страны их пребывания. Однако в целом вопрос о юридическом положении русских эмигрантов не был решен, несмотря на очевидные попытки Лиги наций улучшить положение эмиграции введением так называемых паспортов Нансена⁴⁴ или принятием международного соглашения о правах и защите эмигрантов из России⁴⁵.

Для большинства стран Западной и Центральной Европы, столкнувшихся с экономическими трудностями и социальными последствиями Первой мировой войны, беженцы – эмигранты из России были бременем, которое затрудняло решение собственных общественно-политических и экономических вопросов. После обострения проблемы эмиграции правительства европейских государств начали принимать конкретные меры по его решению, как правило, предлагая беженцам два выхода: либо возвращение в Советскую Россию (репатриацию), либо безоговорочное принятие гражданства страны пребывания (что, однако, в эмигрантской среде воспринималось как попытка ассимиляции). Ни первое, ни второе решения не были приемлемыми для беженцев.

Аналогичной была ситуация в Чехословакии, которая имела огромные социально-экономические и внутривнутриполитические проблемы консолидации молодого государства и тоже боролась с трудностями репатриации «русских» военнопленных, унаследованных от Австро-Венгерской империи, но все-таки предлагала другой подход.

Первые «русские» беженцы начали появляться в Чехословакии с начала 1919 г. Сначала это были выходцы из Западной Украины и Западной Беларуси, а также из европейской части России и из Прибалтики. Вместе с чехословацкими легионера-

ми в 1920–1921 гг. прибыли эмигранты из Сибири и Дальнего Востока⁴⁶. Активнее стали прибывать на рубеже 1920-21 годов после эвакуации из Новороссийска и Крыма армии Врангеля. К тому же общественные деятели из числа беженцев обратились к чехословацкому правительству с просьбой предоставить нескольким тысячам «русских» эмигрантов возможность переселиться в ЧСР⁴⁷. Значительная часть эмигрантов прибывала в страну нелегально.

В этой ситуации правительство Чехословакии заняло особую позицию по отношению к «русским» беженцам, решая ее в соответствии со своими внешнеполитическими приоритетами. Инициатором решения этой проблемы был чехословацкий президент Т. Г. Масарик, который вместе со своим окружением исходил из того, что репатриацию, а также ассимиляцию (денационализацию) большинство беженцев-эмигрантов не приемлет. Поэтому президент предложил третий путь, который бы их защитил от вышеупомянутой депортации или ассимиляции. Коренное отличие положения эмигрантов из бывшей Российской империи в ЧСР по сравнению с положением эмигрантов в других странах состояло в том, что чехословацкое правительство начало целенаправленно регулировать их приток для того, чтобы сосредоточить в государстве лучшие культурные силы, которые после ожидаемого скорого падения большевистской власти подготовили бы новую интеллигенцию для будущей демократической России⁴⁸. Именно путь решения вопроса эмиграции в ЧСР в 20-х г. и главная цель, которую преследовали инициаторы нового подхода к беженцам из России, значительно повысили авторитет Чехословакии в глазах всей Европы и стали для правительств других государств стимулом к пересмотру существующих взглядов на вопрос эмиграции⁴⁹.

В отличие от остальных государств Западной и Центральной Европы, в Чехословакии в сжатые сроки были созданы наиболее благоприятные условия для эмиграции из России. Правительство ЧСР рассматривало «русскую» эмиграцию как фактор политической и культурной жизни, принимая во внимание традиционные русофильские настроения значительной части чешской и словацкой общественности, а также конкретные экономические интересы⁵⁰. Официальные круги ЧСР про-

пагандировали свой подход и объясняли причины оказания помощи беженцам из Российской империи, которые, согласно их высказываниям, основывались на трех принципах: на идеях гуманизма, славянского единства и благодарности тысячам неизвестных «русских» героев, сражавшихся и павших в мировой войне за общие цели⁵¹. Не последнюю роль сыграли политические интересы и мотивация (гуманитарная помощь как выгодное помещение политического капитала).

На заседании, состоявшемся 28 июня 1921 г., чехословацкое правительство утвердило государственную программу масштабной помощи беженцам из бывшей Российской империи под названием «Программа помощи русским»⁵² (чеш. – *Ruská pomocná akce*)⁵³. Конкретный план помощи был представлен МИД ЧСР Кабинету министров в ноябре 1921 г. Первоначально «Программа помощи русским» развивалась в двух направлениях. Первое концентрировалось на оказании помощи голодающим в России (Поволжье) и на Украине (1921–22 гг.), второе – на решении проблемы беженцев, находящихся в Чехословакии.

С января 1922 г. в Советскую Россию и Украину были отправлены транспорты с лекарствами и продуктами (в целом на помощь голодающим было потрачено 13 млн. крон). Но в середине 1922 г. советскими властями была запрещена иностранная благотворительная деятельность в стране. Местные общественные организации были закрыты, а их сотрудники обвинены в контрреволюции. С этого времени под «Программой помощи русским» подразумевались лишь действия по поддержке «русских» эмигрантов на территории Чехословакии⁵⁴. В этом плане предусматривалась не только гуманитарная, но и материальная помощь эмигрантам, а также создавалась продуманная система для создания условий, которые бы позволили эмигрантам жить в ЧСР и работать в области науки, техники, экономики, культуры и искусства.

«Программа помощи русским» имела ясные контуры ориентации. «Она была направлена, *во-первых*, на поддержку демократических сил в среде эмиграции. Особенно благоприятными в Чехословакии были условия для эмигрантов-эсеров, движение которых считалось правительственными кругами республики наиболее перспективным»⁵⁵. *Во-вторых*,

акция была нацелена на поддержку академической, учебной, педагогической и исследовательской деятельности (не случайно в то время говорилось о «русском Оксфорде» в Праге). *В-третьих*, акция была многонациональной – наряду с русской эмиграцией поддерживалась и эмиграция украинская, казачья, белорусская, кавказская. *В-четвертых*, данная программа помощи была социально однородной. Она не ориентировалась на аристократию или предпринимательские круги, а опиралась преимущественно на интеллигенцию и сельский элемент»⁵⁶.

Особая комиссия правительства ЧСР была в 1921 г. отправлена в Константинополь с целью набрать первую группу эмигрантов в лагерях беженцев. Около 4 тыс. беженцев, в основном казаков, были приглашены в Чехословакию в качестве сельскохозяйственных работников. В константинопольских лагерях были набраны около 1 тыс. недоучившихся студентов (в том времени в ЧСР уже находилось около 300 русских и 800 украинских учащихся). В последствии были приглашены русские и украинские преподаватели. Начиная с февраля 1922 г. массовый перевоз «русских» беженцев в Чехословакию был прекращен, и МИД ЧСР давало лишь индивидуальные разрешения на въезд отдельным лицам, в первую очередь студентам⁵⁷. Тем не менее численность «русских» беженцев постоянно возрастала вплоть до середины 1920-х годов (и за цену массы нелегально прибывающих в страну эмигрантов, особенно из Болгарии, Польши, Германии и других соседних стран)⁵⁸.

В то время как волна эмиграции из России коснулась многих стран стихийно, в результате целенаправленной политики чехословацкого правительства структура эмиграции в ЧСР была значительно однороднее, чем в других странах. В республике сосредоточились высококвалифицированные кадры русской, украинской, белорусской и др. интеллигенции. В Прагу, Брно, Братиславу и другие города республики шел поток ученых, писателей, журналистов, врачей, инженеров, педагогов и общественных деятелей. Значительную часть эмиграции составляли студенты, однако количество крестьян было также ощутимым⁵⁹.

В Чехословакии «русская» эмиграция сосредоточилась в трех центрах: в Чехии (в основном в Праге, Остраве, Брно, в их пригородах и других чешских и моравских городах), в Словакии (в Братиславе, Кошицах, Ладомирове и т.д.) и Закарпатье. Точное число беженцев - эмигрантов в ЧСР определить трудно. Согласно некоторым данным, в начале 20-х годов в ЧСР проживало около 23 тыс. русских, украинских, белорусских, армянских, грузинских эмигрантов и представителей других народов бывшей царской России, в 1926 г. – 17 тыс. человек, в последующие годы число снизилось, и в 1939 г. в стране проживало незначительное количество эмигрантов – 8 тыс. человек⁶⁰. Общепринятой является точка зрения, что в 1920–1930-е гг. количество «русских» эмигрантов в ЧСР составляло от 10 тыс. до 40 тыс. человек. Во всяком случае, по данным, предоставленным чехословацким правительством Ф. Нансену, в 1925-26 гг. в ЧСР проживало 30 тыс. «русских» (русские, украинцы, белорусы и др.) и 200 человек армян. К концу 1920-х годов эта цифра, по данным того же Ф. Нансена, снизилась до 14 тыс. человек. Таким образом, «сравнивая численность «русской» колонии в ЧСР с другими странами, можно прийти к выводу, что она не была столь уж велика, и ЧСР занимала лишь 11-е место в списке 20 стран, принимавших эмигрантов из бывшей Российской империи»⁶¹. Однако, ни одно европейское государство не имело так исчерпывающей программы помощи «русским», сопоставимой с той, которую реализовало правительство ЧСР⁶².

Благодаря значительной материальной помощи чехословацкого правительства и моральной поддержке политических и общественных кругов ЧСР, были основаны десятки русских, украинских и белорусских учреждений и организаций, которые, по своей сути, носили культурно-просветительский характер, а их задачей было создание духовных и материальных ценностей и удовлетворение духовных и материальных потребностей эмигрантов. В основных чертах чехословацкая программа помощи «русским» беженцам - эмигрантам основывалась не только на принципах гуманизма, братства, но, в первую очередь, на славянском единстве и принадлежности к центральноевропейскому и восточноевропейскому пространству.

В целом Первая мировая война вызвала структурный перелом в истории Европы и ее положении в геополитической системе. Война представляла в миграционной эволюции Европы и атлантического пространства рубеж двух эпох и одновременно определила вектор его дальнейшего развития. Закончила эпоху либеральной миграционной политики и вместе с последующей Второй мировой войной вызвала значительную волну беженцев и принудительных миграций. Несомненно, «краткий XX век» был не только «веком мировых войн», но и «веком беженцев»⁶³.

Как показала история, перемирие и мирные договоры не означают мгновенный конец бегств и изгнаний. Гражданская война в России и появление новых государств в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе вызвали множество региональных конфликтов и запустили в ход новую массу беженцев и вынужденных миграций. Эти миграционные движения оказались намного большими, чем во время самой Великой войны. Несомненно, «война была постоянно употребляемой, но плохой матерью-основательницей национальных государств», – как констатировал Филипп Тер. Но только частично можно согласиться с автором в том, что термин «постимперская миграция», в котором Роджерс Брубакер суммировал массовую миграцию населения после Первой мировой войны из-за распада великих империй⁶⁴, можно охарактеризовать скорее как «миграцию вызванную восстановлением народных государств», поскольку множество представителей меньшинств не покидали свои дома в дни распада, а только после основания «постимперских национальных государств» и по созданию новых границ⁶⁵. Такая мысль может быть допустимой, если процесс распада монархий и процесс возникновения государств-преемников характеризуются как особые процессы, но это, вероятно, неточно (это были взаимосвязанные процессы). В любом случае, результаты миграционных движений послевоенного периода приветствовались государствами-преемниками и, в частности, европейской политической общественностью, поскольку они означали сокращение многочисленных меньшинств и дальнейший шаг к желаемой гомогенизации государств, что в значительной степени было выполнено после Второй мировой войны. Возвращаясь к «краткому XX-му веку», можно добавить, что это был не только «век мировых войн» и «век беженцев», но и «век беженцев и трансферов населения».

Примечания:

1. Bade K.J. *Evropa v pohybu. Evropské migrace dvou staletí*. Praha, 2005. S. 229.

2. Ther Ph. *Temná strana národních států. Etnické čistky v moderní Evropě*. Praha, 2017. S. 30.

3. Bade K.J. *Evropa v pohybu. Evropské migrace dvou staletí*. Praha, 2005. S. 233-234.

4. Полян П. «Враждебно-подданные». Этнические депортации – опыт Первой мировой // *Новая газета*, № 81, 25. июля 2014, с. 12.

5. Bade K.J. *Evropa v pohybu. Evropské migrace dvou staletí*. Praha, 2005. S. 229-231, 233-234.

6. Bade K.J. *Evropa v pohybu. Evropské migrace dvou staletí*. Praha, 2005. S. 235.

7. Полян П. «Враждебно-подданные». Этнические депортации – опыт Первой мировой // *Новая газета*, № 81, 25. июля 2014, с. 12-13.

8. Ther Ph. *Temná strana národních států. Etnické čistky v moderní Evropě*. Praha, 2017. S. 39.

9. Bell-Fialkoff A. *Etnické čistky*. Praha, 2003. S. 69. Сравни: Полян П. *Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР*. Москва, 2001. С. 29.

10. Bade K.J. *Evropa v pohybu. Evropské migrace dvou staletí*. Praha, 2005. S. 235-236.

11. Ther Ph. *Temná strana národních států. Etnické čistky v moderní Evropě*. Praha, 2017. S. 39.

12. Chyský V. *Doktrína etnických čistek – usilování o národnostně homogenní státy* // *Britské listy*, 7.03.2007. Online: <http://blisty.cz/art/33232.html#sthash.WZ2Fm35i.dpuf>

13. Стојанчевић В. Српски цивилни интернирци у Аустроугарској // *Историјски часопис*. 1975. XXII. S. 149-171

14. Ther Ph. *Temná strana národních států. Etnické čistky v moderní Evropě*. Praha, 2017. S. 69.

15. Smigel M. – Menkouski V. *The politics of population transfers and migrations in Central and Eastern Europe in the first half of the 20th century* // *Contemporary Central Asia*. 2016. Vol. XX, No. 1 (January – April 2016). P. 1.

16. Zaťková J. Zabudnutí vojaci. Zajatci v oblasti Vojenského veliteľstva Bratislava 1914 – 1918. Bratislava, 2013, s. 7.

17. Сергеев Е.Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 66.

18. Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (В цифрах). Москва, 1925. С. 4, 39.

19. Nachtigal R. Zur Anzahl der Kriegs gefangenen im Ersten Weltkrieg // Militaergeschichtliche Zeitschrift. 2008. No 67. Pp. 345-384.

20. Белова И.Б. Возвращение на Родину русских военнопленных и меры Советского государства по их материальной поддержке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 25.

21. Benko J. Vojnová socializácia mužov v armáde, v zajatí a v légiách (1914 – 1921) // Forum Historiae. 2009. Roč. 3. Č. 1. S. 6. Online: http://www.forumhistoriae.sk/FH1_2009/texty_1_2009/benko.pdf

22. Zaťková J. Zabudnutí vojaci. Zajatci v oblasti Vojenského veliteľstva Bratislava 1914 – 1918. Bratislava, 2013. S. 15.

23. Bade K.J. Evropa v pohybu. Evropské migrace dvou staletí. Praha, 2005. S. 236-237.

24. Ther Ph. Temná strana národních států. Etnické čistky v moderní Evropě. Praha, 2017. S. 31, 40.

25. Bade K.J. Evropa v pohybu. Evropské migrace dvou staletí. Praha, 2005. S. 258-260.

26. Habartová K. Finanční zajištění židovských uprchlíků v době první světové války v Čechách // Theatrum historiae. 2010. № 6. S. 342

27. Jancura V. Pred storočím utekali pred vojnou. Posielali ich späť... // Žurnal Pravda, 22.09.2015. Online: <https://zurnal.pravda.sk/neznama-historia/clanok/368321-pred-storocim-utekali-pred-vojnou-posielali-ich-spat/>

28. Habartová K. Finanční zajištění židovských uprchlíků v době první světové války v Čechách // Theatrum historiae. 2010. № 6. S. 354.

29. В дальнейшем выражение «русские» военнопленные, беженцы или эмигранты, употребляется как нейтральное обозначение граждан (независимо от фактической национальной принадлежности) бывшей Российской империи.

30. Сергеев Е.Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 66.

31. Zaťková J. Zabudnutí vojaci. Zajatci v oblasti Vojenského veliteľstva Bratislava 1914–1918. Bratislava, 2013. S. 19, 135.

32. Белова И.Б. Возвращение на Родину русских военнопленных и меры Советского государства по их материальной поддержке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 25.

33. Белова И.Б. Возвращение на Родину русских военнопленных и меры Советского государства по их материальной поддержке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 25.

34. Zaťková J. Zabudnutí vojaci. Zajatci v oblasti Vojenského veliteľstva Bratislava 1914–1918. Bratislava, 2013. S. 137-138.

35. Encyklopedie válečného zajatí a internace Czech Republic. Online: <http://www.evzi.estranky.cz/clanky/mista-zajeti-a-internace-1914-1921/zajatecke-tabory-na-uzemi-rakouskouherske-monarchie-a-na-okupovanych-uzemich--1914-1918/valecni-zajatci-v-rakouskouhersku-1914-1918/repatriace.html>.

36. Zasedání Národního shromáždění československého r. 1920. Tisk 2518. Odpověď ministra vnitra spolu s ministrem národní obrany na dotaz člena Národního shromáždění Dr. Fr. Krejčího a společníků (č. tisku 1788) o nedovolené agitaci ruských válečných zajatců. // Společná česko-slovenská digitální parlamentní knihovna. Online: http://www.psp.cz/eknih/1918ns/ps/tisky/T2518_00.htm

37. Белова И.Б. Возвращение на Родину русских военнопленных и меры Советского государства по их материальной поддержке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 25.

38. Бочарова З.С. Правовое положение русских беженцев на Западе в 1920-1930-е гг. // Сетевой журнал «История». 2002. № 2. [Электронный ресурс]: <http://his.1september.ru/2002/02/1.htm>.

39. Буча А.И. Начальный этап «русской акции» чехословацкого правительства и организационное оформление белорусской

диаспоры в Чехословакии (1921–1923 гг.) // Российские и славянские исследования. Вып. 5. Мн., 2010. С. 80.

40. Бочарова З.С. Правовое положение русских беженцев на Западе в 1920-1930-е гг. // Сетевой журнал «История». 2002. № 2. С. 19.

41. Vidňanský S. Ukrajina a ukrajinská otázka v politike Česko-Slovenska v rokoch 1918-1948 // Historický časopis. 1997. №. 3. S. 371-372.

42. Акцию по репатриации проводил «Союз возвращения на Родину» и его филиалы в отдельных центрах эмиграции в Европе. Часть эмиграции, по разным объективным или субъективным причинам, послушалась пропаганде и с помощью акций вернулась на родину. В течение 1921–1931 гг. таким способом было репатрировано около 180 тыс. человек. Однако с «возвращенцами» советские органы поступали в основном согласно одному сценарию. Бывшие офицеры, военные чиновники и солдаты были расстреляны сразу после возвращения, другие очутились в лагерях на Севере и Востоке СССР. Так проявились истинные планы против эмигрантов – в понимании большевиков – предателей родины.

43. Státní občanství ČSSR. Ucelený výklad právních předpisů, upravujících československé státní občanství. Praha, 1963. S. 129; Harbul'ová L. Ruská porevolučná emigrácia v Európe a vo svete. Centrá a činnosť rooktóbrovej politickej emigrácie z Ruska v rokoch 1918-1945. Prešov, 1999. S. 10.

44. Паспорт Нансена – специальный юридический документ, предоставляющий владельцу статус бездомного с правами гражданина страны или привилегированного иностранца (с возможностью жить за границей без гражданства). С октября 1923 г., а в массовом количестве с 1924 г., паспорт выдавался эмигрантам из бывшей царской России и интенсивно использовался, в основном, русской и украинской эмиграцией. Свое название паспорт получил в честь Ф. Нансена (1861-1930), занимавшего в то время пост комиссара Лиги наций по делам русских беженцев и являвшегося основателем Женевского комитета международного центра для помощи эмигрантам из России.

45. См.: Бочарова З.С. Правовое положение русских беженцев на Западе в 1920-1930-е гг. // Сетевой журнал «История». 2002. № 2. [Электронный ресурс]: <http://his.1september.ru/2002/02/1.htm>

46. Буча А.И. Начальный этап «русской акции» чехословацкого правительства и организационное оформление белорусской диаспоры в Чехословакии (1921—1923 гг.) // Российские и славянские исследования. Вып. 5. Мн., 2010. С. 80.

47. Бурега В.В. «Русская акция» Чехословацкого правительства и церковная жизнь русской эмиграции (1920-30-е гг.) // Информационно-аналитический портал Воцерковление.ru. [Электронный ресурс]: <http://www.vocerkovlenie.ru/index.php/stranicwistorii/1937-l-r-----1920-30-.html>

48. Vidňanský S. Ukrajinská emigrácia v medzivojnovom Česko-Slovensku // Historický časopis. 1992. №. 3. S. 372.

49. Vidňanský S. Ukrajina a ukrajinská otázka v politike Česko-Slovenska v rokoch 1918-1948 // Historický časopis. 1997. №. 3. S. 429.

50. Vidňanský S. Ukrajinská emigrácia v medzivojnovom Česko-Slovensku // Historický časopis. 1992. №. 3. S. 371.

51. Československá pomoc ruské a ukrajinské emigraci. Praha, 1924. S. 3.

52. В литературе «Программа помощи русским» обозначается также как «русская акция», «русская акция помощи» или «русская вспомогательная акция».

53. Harbuľová E. Ruská porevolučná emigrácia v Európe a vo svete. Centrá a činnosť poaktóbrovej politickej emigrácie z Ruska v rokoch 1918-1945. Prešov, 1999. S. 20.

54. Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «Русской акции» // Славяноведение. 1993. № 4. С. 31-33.

55. Савицкий И. Начало «Русской акции» // «Новый Журнал» Литературно-художественный журнал русского Зарубежья. 2008. № 251 [Электронный ресурс]: <http://magazines.russ.ru/nj/2008/251/>.

56. Буча А.И. Начальный этап «русской акции» чехословацкого правительства и организационное оформление белорусской диаспоры в Чехословакии (1921–1923 гг.) // Российские и славянские исследования. Вып. 5. Мн., 2010. С. 81.

57. Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «Русской акции» // Славяноведение. 1993. № 4. С. 33.

58. Серapiroнова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике. Москва, 1995. С. 20.

59. Vidňanský S. Ukrajinská emigrácia v medzivojnovom Česko-Slovensku // Historický časopis. 1992. №. 3. S. 373.

60. Tejchmanová S. Politická činnost ruské emigrace v Československu v letech 1920-1939 // Slovanský přehled. 1991. №. 4. S. 274.

61. Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике. Москва, 1995. С. 21.

62. Протасова Е.Ю. «Акция помощи» русским эмигрантам в Чехословакии 1920–1930-х годов в современной историографии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2012. № 1. С. 133.

63. Bade K.J. Evropa v pohybu. Evropské migrace dvou staletí. Praha, 2005. S. 216-217.

64. См.: Brubaker R. Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1996.

65. Ther Ph. Temná strana národních států. Etnické čistky v moderní Evropě. Praha, 2017. S. 33, 41.

Michal Šmigel'

The First World War and disintegration of empires as factors of migration processes in Central and East Europe (1914–1922)

At first, this paper analyses migration processes in the Central and East Europe caused by WWI under influence of mass violence expansion and another radicalization of nationalism. Disintegration of multinational empires and creation of national successor states in the post-war period had some impact, too. It is evident that the migration movements of the population in the war period (in the way of refugee waves, evacuations, internments and deportations of population) were in their extent smaller than the migration „avalanche“ of the post-war period (repatriation of the prisoner of war, voluntary /i.e. under pressure/ and forced resettlements, driving out and escape of the population). It had been caused by disintegration of two European and two Eurasian monarchies and consequent creation of successor national states. In a large part of Europe, the First World War continued in the way of a number of regional conflicts. Figuratively speaking, the old continent had been leaked out by the cracks in which there was a fight with a weapon in hand for who will be the minority or majority. The second part of the study explains migration movements from

the East Europe – former Russian Empire to territory of Czechia and Slovakia (Czechoslovakia from 1918) under the influence of front-line operations of the WWI, revolution and civil war in Russia in more detail. The problems of so-called “Eastern Jews” (Jewish refugees from Galicia, Bukovina and the Russian Empire during the war), repatriation of Russian prisoners of war from Czechoslovakia to their homeland in the years (1919–1922), the admission of refugees-emigrants from Russia (so-called White movement) and the Czechoslovak “Russian Aid Action” from the early 1920’s are analysed on the examples of migration movements from years 1914–1922. These more specific examples thus illustrate the situation of refugees, emigrants and the repatriation of prisoners of war in the country, as well as the government’s efforts to deal with these immigration issues.

Keywords: *refugees, emigrants from Russia, „Eastern Jews“, Russian prisoners of war, repatriation, Russian Aid Action, Czechoslovakia.*

Надійшла до редколегії 09.12.2018.